

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

1866 года.

№ 5.

Марта 1.

24-е ПИСЬМО

Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита
Кіевскаго.

Къ строителю Калужской Оптиной пустыни.

Преподобный Отецъ Иуменъ Данилъ!
Любезный о Господь братъ!

Для строенія скита представили мнѣ пустынножители планецъ, который я подписаніемъ своимъ утвердилъ. Прошу покорно отвѣсть имъ по ихъ и вашему избранію мѣсто. Господь да благословитъ начать имъ доброе и удобное ему дѣланіе! Пусть они трудятся въ очисткѣ мѣста.—Ежели готовы матеріалы, то я благословляю обѣими руками начать строить прежде кельи, а потомъ и прочее нужное. Я буду къ вамъ въ началѣ успенскаго поста на цѣлую недѣлю говѣть.

Пріятно бы для меня было, ежелибы до того времени они пристроились.

Инд 81 внои

До рѣшительнаго положенія полныхъ правилъ житія ихъ прошу васъ теперь же сдѣлать:

1., Братіямъ воспретить къ нимъ входъ безъ вашего дозволенія и не въ назначенное время. 2., Женскому полу совершенно возбранить туда входъ, 3., и другимъ мірскимъ людямъ не иначе позволять, какъ съ согласія ихъ старца. 4., На первый разъ пусть будетъ у нихъ начальникомъ О. Вассіанъ, котораго увольте изъ обители туда къ нимъ въ кельи,—а съ нимъ отпустить мальчика изъ Курска къ нему присланнаго. 5., Во всемъ, гдѣ можно помочь имъ въ строеніи безъ отягощенія Монастыря, не откажите. 6., Запретите строго рубить всякій лѣсъ около сего скита, дабы навсегда онъ былъ закрытъ. Довольно-пока,—а что еще откроется нужнымъ, я полагаюсь на извѣстное мнѣ благоразуміе и усердіе ваше.

Призывая на васъ и ввѣренную вамъ обитель благословеніе Божіе съ пастырской моею къ вамъ любовію навсегда имѣю быть.

Вашего Преподобія, усердный Богомолецъ
Филаретъ Епископъ Калужскій.

1821 года
іюня 18 дня.

РАЗСУЖДЕНИЕ

*святаго и великаго собора, созваннаго въ Константинополь въ апрѣль мѣсяцъ 1865 года для разсмотрѣнія трехъ Румунскихъ законопредположеній: о мѣстномъ (Румунскомъ) Синодѣ, выборѣ и правахъ архіереевъ *).*

Власть и законъ скрѣпляютъ, блюдутъ Христову Церковь, какъ и всякое правильно устроенное общество. Законъ начертываетъ и объясняетъ отношенія наши къ Богу, а власть, съ точностію и равномѣрно, прилагаетъ ко всѣмъ установленный законъ для достиженія возможнаго благоденствія и совершенства духовнаго или тѣлеснаго. Но Церковь и государство имѣютъ то существенное между собою различіе, что государство, какъ учрежденіе совершенно земное, подвержено и случайностямъ земнымъ, именно: возрасту, измѣненіямъ, преобразованіямъ, законамъ и началамъ въ видахъ большей

Въ Константинопольской газетѣ *Bisantis*, отъ 25-го сентября 1865 (№ 212), пишутъ: Великая Церковь Христова, получивъ извѣстіе о проэктахъ Румунскаго правительства касательно учрежденія Синода (Румунскаго) и выборовъ архіереевъ, созвала чрезвычайный соборъ и, по зрѣломъ разсмотрѣніи предмета, издала разсужденіе свое, обличающее, на основаніи св. законовъ, нововведенія, заключающіяся въ «проэктахъ». Какъ извѣстно, разсужденіе это она отправила чрезъ архимандрита Е. Флеовула къ князю Бузѣ съ патріаршими письмами и къ митрополиту Молдавскому.

пользы, различно въ различныхъ мѣстахъ понимаемой людьми, едва знающими, что у нихъ подь ногами. А Христово всеславное царство—Церковь, будучи отъ неба по началу, происхожденію, цѣли и силамъ своимъ, какъ учрежденіе божественное, ничего не терпитъ минутнаго, преходящаго, привременнаго, измѣнчиваго, но все въ ней неизмѣнно и вѣчно. Законы и гражданственность политическихъ обществъ устроятся просто—людьми: министрами, совѣтниками, царями; напротивъ, начальникъ и самодержецъ Церкви есть самъ Единородный Сынъ Божій и Духъ Его, глаголавшій и глаголющій чрезъ пророговъ, апостоловъ и св. соборы, къ преспѣванію вѣры и нравственности всего тѣла Церкви, еяже глава самосущая и животворящая—Христось Богъ іашъ, самобытная и самосовершеннѣйшая истина,—Христось, *вчера, и сегодня и во вѣки* пребывающій, прежде событія *вся вѣдуцій* и предопредѣлющій, чему должно быть,—Христось, сущій въ Церкви до скончанія вѣка.

И такъ, если Богъ есть правитель и законоположникъ Церкви, Богъ вѣчно неизмѣнный и непреемственный, а служители Его, въ ихъ соборномъ составѣ, признаются лицами богоспросвщенными и богонаученными, по Его обѣтованію; опредѣленія же, правила и постановленія Церкви признаются чистыми внушеніями Св. Духа, по вдохновенію котораго апостолы и богоносные отцы досточтимыхъ соборовъ изрекли все проповѣданное имъ: то по истинѣ странно и прискорбно сердцу, какимъ образомъ православные издавна народы, православныя правительства, благочестнѣйшій сенатъ и совѣты Богохранимаго царства Румунскаго рѣшились превратить Иисуса Навина едва не въ Аарона, назначивъ апостольскаго

іерарха предсѣдателемъ земнаго законодательнаго собранія, а скиптродержавнаго князя—предсѣдателемъ, главою апостольскаго небснаго тѣла (Церкви), руководителемъ іерархическаго Синода страны, даровавъ ему право увольнять и возводить іереевъ и архіереевъ Бога живаго, предписывать Церкви законы, какъ-бы простому человѣческому обществу, законы происхожденія министерскаго и противоположные законамъ, апостольскою и соборною властію въ Св. Духъ древле установленнымъ на всѣ вѣки,—законы которые, въ недавнее время бывъ допущены въ нѣкоторыхъ христіанскихъ обществахъ, породили въ нихъ расколы и ереси? Кто откажетъ въ похвалахъ благочестивѣйшему народу Румунскому, который доселѣ благопроцвѣталъ и жилъ въ духъ Христовомъ? Какъ благонасажденное древо при источникахъ водъ, онъ давалъ плоды благочестія и правды во время свое, ибо славою своею поставлялъ славу вселенской Церкви, огражденной Вселенскими соборами какъ-бы крѣпостію съ небесными твердынями.

А теперь три министерскихъ проекта усиливаются сосредоточить и обнять собою посредствомъ рѣшенія государственныхъ совѣтовъ не одно только общественное благоденствіе и преуспѣяніе гражданъ, но и то, что есть самаго священнаго и божественнаго въ человѣчествѣ, именно: религію и совѣсть простодушнаго и безгласнаго клира, — совѣсть малочисленной и слабой іерархіи.

Слова наши подтверждаются, къ сожалѣнію, главными, органическими распоряженіями упомянутыхъ законоположеній (проектовъ). Конечно, всякому, кто знакомъ съ правилами свящ. сборовъ, известно, что соборъ епископовъ епархіальныхъ, собравшихся тамъ, гдѣ со-

изволить митрополитъ или екзархъ области, издревле и до настоящаго времени управлялъ и управляетъ мѣстною церковію, разбирая и разрѣшая возникающіе вопросы въ предѣлахъ постановленій и каноновъ вселенской Церкви. (См. особенно 37 правило апост.; 5-е перв. всел. соб.; 19-е четв.; 8-е шест.; 6-е седм. вселен. соб.; 20-е Антиох.; 40-е Лаодик.; 18-е (21); 76 (86); 95 и 104 Карѳаг.) Но чтобы эти каноническіе соборы министръ или царь и вообще гражданская власть, безъ предварительнаго соборнаго разсужденія, не только созывала и распускала, по своему произволу, но и направляла дѣйствія ихъ, указывала предметы, подлежащіе обсужденію, назначала время и мѣсто соборамъ также по своему усмотрѣнію, самоправно давала имъ права законодательной власти и независимости, избирала и утверждала іерархію, покушалась разрушить и упразднить монастыри и монашескій чинъ,—все это было неизвѣстно въ православной Церкви. Но правительство православнаго Румунскаго государства рѣшается узаконить все это, какъ-бы оно не знало основныхъ законовъ Церкви. Изъ уваженія къ испытанному благочестію Румуновъ; мы излагаемъ наше *разсужденіе* по сему дѣлу.

Объявляя принципомъ и основаніемъ самовольную независимость Румунской церкви, законоположенія сіи отъ шаткаго и антиканоническаго начала постепенно нисходятъ къ болѣе шаткимъ постановленіямъ. «Православная Церковь, говорится тамъ, есть и пребываетъ независимою отъ всякой чуждой церковной власти въ дѣлахъ, касающихся ея устройства и дисциплины. Это благовидное, по буквѣ, объявленіе, но скрывающее весь-

ма не-каноническій смыслъ, изложено было за годъ предъ симъ въ письмѣ къ намъ преосв. Нифонта, митрополита Унгро-Влахійскаго. «Церковь (наша) была дочерію, всегда имѣющею независимую дѣятельность во всемъ, что относится до ея благочинія; посему когда *прогрессъ народа и степень его умственной развитія потребуетъ какого-либо учрежденія* въ этомъ отношеніи: то увѣряю ваше всесвятѣйшество, что Румунская Церковь, дѣйствуя съ полною свободою, не оставитъ безъ вниманія существующія нынѣ связи (догматическія) съ Церковію-Матерію» и проч.

Въ этихъ словахъ мы усматриваемъ два важныхъ противурѣчія духу Евангелія и св. правилъ Церкви; первое: самозванную не зависимость Румунской Церкви; второе, что во Христѣ подчиненность (дисциплина) и благочиніе клира и народа Румуніи будутъ впредь слѣдовать не законамъ и правиламъ св. соборовъ, утвержденнымъ на всегда для всякой страны и народа переходящаго и будущаго, запечатлѣннымъ и освященнымъ печатію вѣковъ и Пресв. Духа, но гражданскому и умственному развитію и преспѣванію народовъ; такъ что, по этому разсужденію, ни опредѣленія и каноны сіи, ни самыя Вселенскіе соборы единой Вселенской апостольской Церкви какъ будто уже неприложимы *Еллинамъ и варварамъ, мудрымъ и неразумнымъ, предкамъ и вряущимъ поколѣніямъ*. Что можетъ быть духоборнѣе для пріемлющихъ и уважающихъ честные соборы, какъ богодухновенные? Для чего же послѣ этого честные отцы связали мѣстныя Церкви съ центральнѣйшими, патриаршими или апостольскими по происхожденію Церквями, какъ-бы съ живоносными сердцами и храмами,

какъ не для того, чтобы онѣ всегда могли состоять подъ надзоромъ и наблюденіемъ, дабы неударжимые потоки повседневныхъ ложныхъ ученій и повсемѣстныхъ навѣтовъ, нашедъ мѣстную Церковь неогражденною мужами учительными и пастырями апостольскими, сильными не только преемствомъ, но и вѣрою, ученіемъ, ревностію и дерзновеніемъ, не увлекали апостольскую и соборную сокровищницу отеческаго благочестія — Церковь къ случайностямъ? Такъ безопасно средоточіе и каноническій союзъ съ законностію и постоянствомъ.

Но этотъ каноническій, полный любви духовный союзъ двухъ благочестивѣйшихъ и Богоутвержденныхъ Церквей—нашей святой и великой Церкви Христовой яко матери, Церкви патриаршей и апостольской съ Румунскою, какъ дочерію и областною,—подтверждаетъ буквальный смыслъ соборныхъ правилъ. (Чти. 2-е пр. Втор.; 17 и 28 Четврт; 36—Шест. Смот. 7 Перв; 9 Четвер. и. толковниковъ).

Да и безъ союза этой внѣшней зависимости никакая Церковь никогда не была и не будетъ (доколѣ она объявляетъ себя дѣйствительно правомудрствующею) безусловно независимо отъ всякой другой единомысленной ей Церкви, какого бы она ни имѣла гражданскаго начальника и гражданское устройство. Но всякая, состоя подъ братолюбнымъ надзоромъ другой, пріемлетъ отъ нея наставленіе, утѣшеніе и укрѣпленіе въ догматахъ и правилахъ каноническихъ. Особенно въ такомъ отношеніи находится Церковь—дочь и ученица къ Церкви матери, къ Церкви апостольской—учительницѣ.

Безъ такого убѣжденія и безъ такого единомыслія, безъ соборнаго и патриаршаго одобренія и утвержденія,

всякое дѣйствіе и собраніе церковное, самопроизвольно совершающееся, не на основаніи правилъ древнихъ соборовъ и отцевъ, такое собраніе, какъ хотите, не соборъ каноническій, законный. Послѣдствіемъ его должно быть не умноженіе правительственной и законодательной силы, о которой говорятъ «проекты» министерства, а епитимія, опредѣляемая правилами соборовъ.

При учрежденіи областного или епископскаго собора, подъ предсѣдательствомъ митрополита, священные каноны опредѣляютъ и время собранія («дважды въ годъ», а въ случаѣ мѣстныхъ неудобствъ «однажды») и мѣсто, которое одобритъ епископъ митрополіи (митрополитъ); обозначаютъ и членовъ именно: «епископовъ и митрополитовъ», и вопросы, подлежащіе соборному разсмотрѣнію — «догматы благочестія, споры, возникшіе въ нѣдрахъ Церкви, или другіе предметы каноническіе и евангельскіе», объясняютъ и способъ изслѣдованія и рѣшенія: *на основаніи правилъ отцевъ, по божественнымъ и животворящимъ заповѣдямъ Божиимъ*. А VII Вселенскій соборъ шестымъ правиломъ своимъ отлучаетъ отъ Церкви начальника страны, который бы сталъ препятствовать собранію епископовъ, или стѣснять ихъ (дѣйствія). А здѣсь члены — *міряне, даже изъ числа несостоятельныхъ должниковъ*. Главою собора начальникъ свѣтскій, сзывающій и распускающій министровъ; онъ пишетъ программу дѣйствій собора, руководитъ преніями его, разсуждаетъ и споритъ съ епископами о Церкви. Въ состояніи ли такой предсѣдатель, занимающій эту должность въ церковномъ соборѣ во имя земнаго властителя, давать свободное мнѣніе о предметахъ небесныхъ въ духѣ небесномъ по внушенію

благодати Духа Святаго? Ибо что общаго между земнымъ кесаремъ и его служителями, и Духомъ Святымъ, руководителемъ Церкви? Что общаго между кесаремъ и Христомъ, Всевышнимъ Царемъ—основателемъ Церкви, посылающимъ ей апостоловъ и преемниковъ ихъ, просвѣщающимъ ихъ и возложившимъ на нихъ все духовное управление вѣрующими? Мы даже не повѣрили тому, что Унро-Балахскій митрополитъ назначень политическимъ предсѣдателемъ Румунскаго сената съ тѣмъ, чтобы боголюбивый и верховный князь объявленъ былъ предсѣдателемъ церковнаго сѣнода. Значить, тутъ перемѣшалось небесное съ земнымъ, духовное съ вещественнымъ во вредъ и порчу того и другого. Попечение о душахъ поручено епископамъ, Духомъ Святымъ избраннымъ и рукоположеннымъ, Духомъ живущимъ и дѣйствующимъ свободно, во имя посылающаго ихъ Христа Спасителя, подъ руководствомъ Божественнаго закона, для вѣрнаго достиженія спасенія и небснаго блаженства. А попечение о благоустройствѣ жизни (земной) и выгодахъ вещественныя принадлежить земному правителю съ мирскою властію и съ мирскими служителями, направляющему земное гражданство къ возможному на землѣ благоденствію, при руководствѣ закона разума, всегда измѣнчиваго, отъ различныхъ обстоятельствъ, сила которыхъ измѣняетъ видъ самаго общества гражданскаго, его жизнь, законы и самаго главу. Но если у Церкви и гражданъ общество цѣли различны: то такимъ образомъ у нихъ одинъ и тотъ же начальникъ и предсѣдатель? Или, какимъ образомъ иерархъ и гражданскій правитель могутъ законно вмѣшиваться одинъ въ дѣла другого? Конечно, ничто не ста-

нетъ оспаривать того, что всякій благочестивый государь свыше призванъ быть покровителемъ и защитникомъ какъ гражданскаго общества, такъ и божественной вѣры, богопочтенія, христіанскаго воспитанія, образованія и благочестія, въ качествѣ благотворной силы и служителя Божія. Но развѣ по этому онъ уже перестаетъ быть чадомъ и членомъ Церкви, какъ христіанинъ, освящаемый и тайнодѣйствующимъ священно-служителями, совершаемымъ и приводимымъ къ Богу чрезъ духовное руководство и наставленіе? Въ смыслѣ гражданскаго подчиненія, самые учителя и кормчіе таинственнаго ковчега (Церкви), на которомъ возсѣдять и государь, именуются подданными политическаго тѣла и сынами государства. Точно съ такимъ сыновнимъ чувствомъ, съ такимъ смиреніемъ предсталъ нѣкогда Великій, равноапостольный Царь предъ 318-ю богопосыльными отцами. А преподобнѣйшій епископъ Кордувы (испан. города) Осія сказалъ вѣнчанной главѣ государства: «Тебѣ Богъ вручилъ царствованіе, а намъ—дѣла Церкви. И такъ, похищающій твою власть противится Богу: такъ бойся и ты, чтобы порабощеніемъ себѣ Церкви не содѣлаться виновнымъ въ великомъ преступленіи. Написано: Кесарева кесареви, а Божія Богу».

Съ другой стороны: если божественный и человѣческій законы дали человѣческимъ судилищамъ право независимости отъ воли и предсѣдательства властителя страны, то какимъ образомъ соборныя и богопросвѣщаемыя судилища будутъ подчинены тому или другому правителю страны, который, можетъ случиться, будетъ руководиться иными мнѣніями, чѣмъ соборы? Притомъ, тамъ, гдѣ не только все государство проповѣдуетъ сво-

боду совѣсти, какъ политическую догму, но и разсматриваемый нами Румунскій «проектъ» объясняетъ православную вѣру *не господствующею*, желая ввести въ государство болѣе широкій космополитизмъ и болѣе широкую свободу, вѣротерпимость,—какъ сохранится не прикосновенною, чуждою вмѣшательства, свобода совѣсти іерарховъ и церковнаго сѣнода, организуемаго и созываемаго въ духѣ министерскомъ, во имя гражданскаго правителя и неизвѣстной религій, за отсутствіемъ господствующей, сѣнода подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго симъ правителемъ?

Тагъ-то, все, что не согласно съ ученіемъ вѣры, не послѣдовательно и противорѣчиво!

Не довольствуясь такимъ вмѣшательствомъ въ дѣла сѣнода, *проектъ* идетъ далѣе: онъ усиливается съ корнемъ исторгнуть, разрушить права іерархіи. Ибо не остается пастырямъ и епископамъ болѣе ни какой чести въ томъ случаѣ, когда князь самъ поставляетъ или именуетъ митрополита или епископа *по предложенію министра и удостоенію совѣта министровъ*. При такомъ ходѣ дѣла, митрополитъ или архіепископъ, подпавшій малѣйшему подозрѣнію въ какомъ-либо общественномъ преступленіи, будетъ влачимъ въ мірское судилище наравнѣ съ торговцемъ рынка или ремесленникомъ. Какъ это кажется добрымъ и набожнымъ Румунамъ? Преемникъ-ли апостоловъ тотъ кто, епископствуя не во имя князя (да не будетъ, Царю Христе, сего беззаконія въ Церкви Твоей), но во имя Христа, есть, однако, простой правительственный чиновникъ, теряющій и санъ, и достоинство, и епархію, если, по несчастію, лишился благоволенія министра, или князя? По новому проекту,

дѣло патриарха (утвержденіе избранія) исправляетъ мѣстный властитель, дѣло митрополита — первый министр, а дѣло епископовъ—совѣтъ министровъ. Митрополитъ, рукополагая ставленника, вмѣсто древней и канонической формы Церкви: *избраніемъ и утвержденіемъ преосвященныхъ митрополитовъ, боголюбивѣйшихъ архіепископовъ и епископовъ....*, употребить, согласно смыслу «проекта», такую форму: *избраніемъ и утвержденіемъ князя и свѣтлѣйшихъ министровъ рукополагается..* и проч.? Но если такъ будутъ поставляемы митрополиты и епископы, и такъ будетъ судимъ и удаляемъ отъ мѣста епископъ, впавшій въ немилость министровъ: тогда откуда ожидать безопасности религіи и уваженія къ святости ея? Откуда пастырю почерпнуть апостольскую и пастырскую смѣлость въ защищеніи правъ Церкви? Откуда возмется тогда у него сила и мужество противъ волковъ вольнодумства? Будеть-ли тогда уваженіе народа къ вѣрѣ? Какъ будетъ тогда различаема способность іерарховъ? Или, какъ согласить тогда благоволеніе министра (къ епископу) и избирательный голосъ князя съ обязанностію вѣры и съ свободою совѣсти, даруемою на дѣлѣ только *инославнымъ*?

Но не такъ *изволися Святому Духу* и св. отцамъ: ибо божественные проповѣдники—апостолы и богоучрежденные всесенныя соборы предоставили избраніе епископа, рукоположеніе его и судъ надъ нимъ не народу и не государю страны, ни даже одному или двумъ изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, но всему собору епархіи (въ случаѣ же неимѣнія епархіальныхъ соборовъ, мѣсто ихъ занимаютъ синоды патриаршіе);

вѣмъ же противящимся сему они опредѣлили запрещеніе, епитимію.

Такъ, соборы повелѣваютъ: «если какой епископъ, съ помощію мірскихъ властей овладѣетъ Церковію, да будетъ изверженъ и отлученъ» (30 прав. Апост.). Епископу надлежитъ быть поставленнымъ, непременно, *всьми епископами области*. А если это, по настоятельной нуждѣ, или по дальнему расстоянію будеть не удобно: то непременно собираются три епископа, но съ тѣмъ, что и отсутствующіе изъявляютъ, письменно, согласіе и голосъ свой. Утвержденіе дѣлъ въ каждой епархіи предоставляется митрополиту (1 Всел. соб. прав. 4). Если какой епископъ восхититъ каедрю, безъ согласія полнаго снуда, да извержется, хотя-бы весь народъ избралъ его (Ант. соб. пр. 16). Всякое избраніе епископа, пресвитера, діакона мірскими начальствами остается безъ силы (Апост. 30); ибо подобаетъ возводимому въ епископскій санъ быть избраннымъ епископами, какъ опредѣлено св. отцами, въ Никеѣ собравшимися. (1 Вселен. соб. пр. 4; 7 Всел. 3, 7; спес. 76 пр. Апост.; 1 Всел. пр. 6; 4 Всел. 28; Ант. 19; Сардик. 6; Лаодок 12, 13 и проч.)

О судѣ же клириковъ и епископовъ, за преступленія духовныя, гражданскія и уголовныя Вселенскіе соборы учатъ: «Епископа, обвиненнаго въ чемъ-либо людьми достовѣрными, должны непременно судить епископы».... «Соборъ да произнесетъ надъ нимъ слѣдующее рѣшеніе» (Апост. 74). Равнымъ образомъ, угодно было соборамъ постановить: если какой епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или клирикъ, будучи обвиняемъ въ какомъ-либо преступленіи, отвергну церковный судъ, захочетъ оправ-

даться въ народныхъ судилищахъ: то хотя-бы тутъ мнѣніе произнесено было *за него*, да лишится своего мѣста. (Карѳаг. прав. 15; снес. Апост. пр. 20, 25, 65, 75; 2 Всел. 6; 4 Всел. 9, 21; Ант. 12, 14, 15; Сардик. 5, 14; Карѳаг. 12, 28 и друг.)

И такъ, вотъ чѣмъ мы готовы отвѣтить со всехвальными апостолами Петромъ и Іоанномъ сочинителямъ Румунскихъ проектовъ: *еще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. 4, 14).

Опредѣленія Румунскихъ проектовъ относительно монаховъ, монахинь и честныхъ обителей далеко не утверждаютъ вѣротерпимости (въ государствѣ) и не обезпечиваютъ свободы совѣсти единовѣрныхъ; напротивъ, весьма насильственны для благочестивыхъ душъ, противорѣчатъ духу и письмени не только правилъ соборовъ, но и Евангелію, по которому одинаково можетъ посвятить себя Богу слабый, больной и крѣпкій, бѣдный и богатый, когда и какъ захочетъ. Не требуется тутъ возрастъ старца, не предпочитается, по нуждѣ, худая и развращенная жизнь *), или отрѣбіе и сорь общества, не упоминаются и другія ограниченія, означенныя въ «проектахъ». Если бы свобода совѣсти и Евангеліе оправдывали то, что съ такимъ усердіемъ позаботились узаконить свѣтлѣйшіе министры Румыніи, не добръ ревнуя о недобромъ: тогда чѣмъ бы отличались наши жертвы и приношенія Богу отъ северныхъ жертвъ Каина?

*) Въ новомъ проектѣ о монастыряхъ между прочимъ сказано: «въ монастырь могутъ поступать женщины, выпущенныя изъ исправительныхъ заведеній».

А трблаженныя отцы и христоностныя проповѣдники—апостолы выразились объ этомъ не такъ унижительно и не такъ недостойно Евангелія и человѣческой совѣсти. Хорошо зная, что все наше—и внутреннее и внешнее (т. е. душа и тѣло) принадлежитъ Богу, что добродѣтель и сѣется и укрѣпляется временемъ и упражненіемъ, съ нѣжной юности, они не положили (этому дѣлу) никакого ограниченія (особеннаго), и менѣе всего—ограниченія, по волѣ министровъ и царей, начальствующихъ надъ тѣлами, а не надъ душами; они предоставили выборъ монашеской жизни разсудку каждаго, свободному произволению и рѣшимости, обрѣпшей надлежащимъ искусомъ. Такимъ образомъ, они не допускали въ монашество тѣхъ, коимъ менѣе десяти—семнадцати лѣтъ, не допускали лицъ не довольно испытанныхъ, не допускали вдовицъ, если имъ не исполнилось 60 лѣтъ. Согласно съ толковатетями богомудрыхъ изреченій блаженнаго Павла и небоявленнаго Василія, 6-й Всел. соборъ говорить: «поелику прилѣпляется Богу удаленіемъ отъ житейской молвы весьма спасительно: то рѣшающіеся избрать монашескую жизнь не должны приступать къ этому преждевременно и прежде испытанія самихъ себя, но слѣдуетъ имъ соблюдать преданное отцами постановленіе, чтобы обътъ жизни по Богу *былъ твердъ, истекающій отъ сознанія и разсужденія, въ полной зрѣлости ума.* (Снес. 15 прав. IV, Всел. соб., 18 прав. Васил. В. и 6 Новел. Льва Мудраго)

Относительно числа обителей, употребленія имущества ихъ, правъ подвизающихся въ нихъ, да прочтутся особенно слѣд. правила: IV Всел. 24; VI, 12; 13-е VII; 1-е прав. Второперв.; 2-е Кирила Алекс.; 38

и 41 пр. Апост. Ант. 25; IV Всел. 8-е и проч....

Такъ заповѣдуетъ законъ Божій и законъ Церкви Его!

Мы показали, что «проекты» ниспровергли всѣ почти постановленія и правила Церкви то прямо, то косвенно. Затѣмъ, мы не могли понять, какой смыслъ они (проекты) хотѣли придать слѣдующему пункту, который на подобіе вѣнца завѣршаетъ законоположеніе, проникнутое духомъ нововведеній и, въ церковномъ смыслѣ, противузаконное. «Отмѣняются всѣ законы и постановленія, противныя распоряженіямъ настоящаго закона». Если тутъ рѣчь идетъ о государственныхъ законахъ Румыніи прежнихъ временъ, то ужели благочестивые Румыны такъ мало имѣютъ уваженія къ церковнымъ законоположеніямъ, согласнымъ или несогласнымъ съ ними, что не удостоили ихъ въ церковномъ проэктѣ даже воспоминанія, хотя-бы однимъ словомъ? Если же съ отмѣняемыми законами и постановленіями, какъ противными «проектамъ», отмѣняются, молчаливо, не гласно (да не будетъ сего!) и всѣ вышеприведенные законы Церкви, какъ очевидно противные симъ *предначтаніямъ*: то неужели православная Рамунская Церковь только тѣмъ благомъ воспользуется отъ ревности и православія боголюбиваго князя и его министровъ, что, отмѣнивъ постановленія соборовъ и апостоловъ и выставивъ ва столбахъ въ замѣнъ ихъ (новые) *проекты*, станетъ поклоняться имъ, какъ *златому изображенію*? Ужели честнѣйшіе министры Румыніи, по страсти къ новизнамъ, будутъ изыскивать и въ Церкви новыя преданія потому только, что новизны благопріятствуютъ обыденной жизни, наукѣ и политикѣ? Искони сущест-

вуетъ истинный Богъ отцевъ нашихъ! Древняго происхожденія Церковь Его, древни и преданія обѣ нихъ! А тѣ, кои усиливаются приладить къ преданіямъ дня и религію, останутся навсегда дѣтьми и младенцами въ исторіи религіи, *меньшими въ царствіи Божіемъ*.

Мы знаемъ, какъ учить почтенная и старѣйшая древность Вселенской Церкви Христовой о силѣ и отмѣненіи государственныхъ законовъ, церковныхъ правилъ и постановленій. Такъ, 3 ѳ Вселенскій соборъ повелѣваетъ: «не преступать правилъ отцевъ, по страху и благоговѣнію къ нимъ» (Прав. 8). Если же «кто издѣлаетъ законъ, противный настоящимъ соборнымъ опредѣленіямъ: то *изволися святому Вселенскому собору*, да будетъ отмѣненъ таковой законъ.» Также точно говорить и IV Всел. соборъ (Дѣян. 4): «противъ правилъ соборныхъ ни какой императорскій указъ не можетъ имѣть силу. Одобренное святымъ соборомъ да соблюдается твердо на всѣ времена. Всѣ государственные законы упразднятся, а правила отцевъ да будутъ соблюдаемы». Но, опустивъ многія подобныя заявленія, не умолчимъ словъ 7-го Вселенскаго собора относительно тѣхъ, кои, довольствуясь государственными узаконеніями, правила соборовъ ни во-что ставятъ: «любезнѣ приемлѣмъ,—говорятъ божественные отцы,—и всецѣло сохраняемъ заповѣди соборовъ, нерушимо исполняя все изложенное священными органами Духа—всехвальными апостолами, св. Вселенскими и мѣстными соборами. Ибо всѣ они, просвѣщаемые однимъ и тѣмъ же Духомъ, опредѣлили полезное. И тѣхъ, кого они предали анаѳемѣ, и мы анаѳематствуемъ; кого они осудили на изверженіе, и мы тѣхъ извергаемъ; кого они отлучили, и мы

тѣхъ отлучаемъ; кого они предали епитиміи, и мы подвергаемъ оной». Тожъ-же св. соборъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «всѣ нововведенія, допущенныя вопреки церковному преданію, ученію и уставу святыхъ и пріснопамятныхъ отцевъ, и послѣ могущія быть дѣянія, противныя имъ, анафематствуемъ». И съ этими законоположеніями божественныхъ отцевъ согласны были благочестивые самодержцы. Утверждая постановленія соборовъ, они согласно съ ними, отмѣняли изъ законовъ гражданскихъ все противное положеніямъ соборовъ. Въмѣсто многихъ свидѣтелей, довольно здѣсь представить одного а именно знаменитаго изъяснителя законовъ Церкви Θεодора Вальсамона. Въ примѣчаніяхъ на Номоканонъ Фотія онъ говоритъ: *«3-е постановленіе 2-го отдѣленія «новелль» требуетъ соблюденія правилъ соборовъ и догматовъ ихъ, какъ писаній божественныхъ»*. Въ другихъ главахъ индѣ говорится, «что правила соборовъ имѣютъ силу законовъ», а индѣ, «что законы слѣдуютъ правиламъ; въ другомъ мѣстѣ: «законы, противныя правиламъ соборовъ, неимѣютъ силы».

Итакъ, сущность всего сказаннаго нами о трехъ церковныхъ «проектахъ» Румунскихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Отъ вѣка учрежденный, евангельскій и каноническій уставъ единой, Вселенской и апостольской, православной Христовой Церкви вѣренъ на сохраненіе не нѣкоторымъ лицамъ, но сей же самой Церкви вѣрующихъ, въ ея цѣлостной совокупности, особенно же и преимущественно досточтимой Іерархіи, свѣше и отъ ср. апостоловъ къ намъ преемственно дошедшей. Сія Іерархія, собираясь воедино лично, или посредствомъ посланій,

когда это нужно, всегда однакожь соприсутствуя (вмѣстѣ) душою и произволеніемъ, все во Св. Духѣ и по апостольскому преданію распоряжаетъ, благоустраиваетъ къ пользѣ и спасенію христіанъ; завѣдываетъ законоположеніями, правленіемъ, обрядностію, таинствами, ученіемъ, — словомъ—всѣмъ, что относится къ словесному и евангельскому соблюденію и совершенствованію душъ. Сему цѣлостному духовному и правительственному порядку въ Христовой Церкви основаніемъ служатъ вѣра и ученіе св. пророковъ и апостоловъ; краеугольнымъ камнемъ его есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на которомъ все зданіе, «слагаясь стройно, возрастаетъ въ св. храмъ Господень *въ жилище Божіе духомъ*», а столбами и свѣтильниками суть іерархи и священный клиръ Господень. Этотъ премірный, богоучрежденный и Духомъ Святымъ освященный чинъ, богоносными отцами на св. Вселенскихъ и мѣстныхъ соборахъ, богомудро-устроенный и по всей вселеннѣй силою Божіею распространенный, столькими приснопамятными патріархами, царями и князьями и народами земли, мудрыми и немудрыми, благочестно и твердо на всѣ времена скрѣпленный, принятый и возвеличенный; кромѣ того, за канонами, опредѣленіями и правилами огражденный отъ всякаго дерзающаго измѣнить, или извратить постановленія отцевъ и предѣлы вѣчныя вѣчнаго благочестія,— сей чинъ не можетъ быть передѣланъ ни на единую іоту или черту не только министрами и государями, но и пастырями и іерархами, если они дѣйствуютъ мѣстнымъ образомъ и каждый по своему, съ пренебреженіемъ отеческихъ преданій повсюду сущей Церкви. Ибо, по словамъ великаго подвижника благочестія соименнаго

совѣту, Фотія, «нично изъ соборныхъ постановленій переданныхъ Божественными отцами не нуждается ни въ какомъ убавленіи, прибавленіи или другомъ какомъ измѣненіи». Все, что способствуетъ къ разумнѣю догматовъ вѣры и къ усовершенію нравовъ, во всей полнотѣ предали Церкви св. отцы, слѣдуя ученію и преданіямъ, приспособленнымъ къ спасенію вѣрующихъ во всякомъ мѣстѣ и ко всѣмъ временамъ. Потому и всякій епископъ поставленъ отъ Бога не инымъ чѣмъ, какъ стражемъ блюстителемъ и вѣрнымъ домостроителемъ сего небеснаго залога—не въ разрушеніе или измѣненіе, но для спасительнаго употребленія желающихъ спастись, для истиннаго и точнаго, безъ малѣйшаго сокращенія, преподаванія и пересаженія къ грядущимъ родамъ того, что имъ принято и чему онъ наученъ. Если же кто гдѣ либо, изъ видовъ суетнаго самолюбія, или увлекшись какою-либо страстію, или поддавшись обману, или уступивъ насилію, страху, постыдному ласкательству, или прельстившись какою-либо выгодною, окажется ложнымъ служителемъ, извратителемъ закона, доступнымъ къ предательству, если кто безъ вѣдома единомудреныхъ Церквей и безъ совѣщанія съ ними дѣйствуетъ относительно замышляемыхъ имъ нововведеній и таковаго вся Христова Церковь, по первомъ и второмъ увѣщаніи въ духѣ любви, изгоняетъ изъ нѣдръ іерархіи, почитаетъ чуждымъ двора Господня и возглашаетъ ему съ блаженными отцами св. собора Карѣагенскаго: «никто противъ пророковъ, никто противъ Евангелія, никто противъ Церкви не поступалъ безъ опасности».

Но первый и великій Архіерей, и Архипастырь, и Господь, основатель и покровитель, и совершитель

Церкви, Христосъ истинный Богъ нашъ, Самъ да представитъ Себѣ неповинными до конца и пастырѣй и пастырь, связуя всѣхъ союзомъ мира и любви, и просвѣщая свѣтомъ разумѣнія и истиннаго и непоколебимаго благочестія на всѣ вѣки, во славу Отца и Сына и Св. Духа, Аминь. *)

СОКРАЩЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХЪ
ЛЕКЦІЙ ПРОТОІЕРЕЯ ФАВОРОВА

Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, прошлаго 1864 года, въ Университетѣ св. Владимира, читаны были публичныя лекціи Профессоромъ Богословія, О. Прот. Фаворовымъ: *о вѣрѣ въ І. Христа какъ истиннаго сына Божія, воплотившагося для спасенія челоука*. Вызваны онѣ, какъ можно полагать, извѣстнымъ сочиненіемъ Французскаго ученаго Ренана *Vie de Iesu* (жизнь Иисуса,) въ которомъ главнымъ образомъ, посягается на святѣйшій догматъ христіанской религіи божество І. Христа. Такъ какъ сочинение Ренана есть результатъ новѣйшаго направленія религіозно-Философской мысли, есть плодъ раціонализма: то лекціи Прот. Фаворова направлены вообще *противъ раціонализма*. Предметомъ своимъ онѣ имѣютъ: критическій разборъ началъ, которыя служатъ исходнымъ пунктомъ раціоналистическихъ изслѣдованій и сужденій о предметахъ вѣры.

Въ настоящее время, рѣдкость встрѣтиться съ личностями, пропитанными раціоналистическими взглядами и у насъ, въ мірѣ православія, не смотря на то, что православіе наше, по характеру своему, нисколько

*) Херсонскія Епарх. Вѣд. 1866 г. № 1-й.

не благопріятствуетъ развитію рачіоналистическихъ началъ. Очевидно, что рачіонализмъ занесенъ къ намъ съ запада, гдѣ имѣеть корень свой въ самыхъ началахъ западныхъ вѣроисповѣданій, въ рачіоналистическомъ направленіи и характерѣ, и гдѣ онъ давно замѣнилъ собою начала живой вѣры и дѣятельности и церковнаго единенія. Ревность по вѣрѣ обязываетъ каждаго истинно-православнаго сына Церкви возстать на защиту истинъ вѣры съ словомъ разумнымъ и основательнымъ. Но какъ найдется въ немъ это слово, если онъ не будетъ знакомъ со взглядами противниковъ своей вѣры? Долгъ всякаго повременнаго духовнаго изданія знакомить своихъ читателей не только съ положительнымъ ученіемъ вѣры, но и съ ученіемъ отрицательнымъ въ предостереженіе ихъ заблужденій. Потому благовременно будетъ познакомить читателей Полт. Епар. Вѣдомостей, хотя въ извлеченіи съ содержаніемъ публичныхъ лекцій О. Прот. Ѡаворова, тѣмъ болѣе, что весьма не многіе изъ нихъ (читателей) знакомы съ достоуважаемымъ духовнымъ журналомъ: «Труды Кіевской Духовной Академіи», гдѣ въ первыхъ пяти книжкахъ, вышедшихъ за 1865 годъ помѣщены эти лекціи.

О. Протоіерей Ѡаворовъ выходитъ изъ того, что основную истину Христіанскаго ученія составляетъ догматъ о воплощеніи Сына Божія для спасенія человѣка. Безъ вѣры въ эту истину нѣтъ истиннаго Христіанства. Между тѣмъ, въ Христіанскомъ мірѣ съ давнихъ временъ разсѣвается иное ученіе о Христѣ, Спасителѣ нашемъ, которое тѣмъ болѣе опасно и вредно, что идетъ не прямо противъ Христіанства, а старается какъ-бы только дать научный характеръ тому, во что Церковь тре-

буеть отъ насъ одной вѣры:—это направленіе религиозно-философскаго мышленія, называемое обыкновенно раціонализмомъ. Оно состоитъ въ стремленіи мыслящаго духа человѣческаго освободиться отъ всякой вѣры и руководиться въ знаніи и жизни однимъ своимъ разумомъ. Исходнымъ, по сему пунктомъ раціонализма въ сужденіи о предметахъ вѣры служитъ отрицаніе всего сверхъ естественнаго или чудеснаго,—отрицаніе, значить, самаго существеннаго въ Христіанствѣ. Опроверженіе этого пункта раціоналистическаго ученія, составляетъ содержаніе первой лекціи О. Фаворова.

Имѣеть-ли, спрашиваетъ лекторъ, какое нибудь основаніе для себя это отрицаніе сверхъ естественнаго?

Задавъ себѣ такой вопросъ, онъ подвергаетъ критическому анализу основанія приводимыя раціоналистами въ отрицаніе сверхъ естественнаго. Прослѣдимъ нить его полемики.

Основаніе, говоритъ О. Фаворовъ, для отрицанія чудеснаго думаютъ видѣть въ томъ, что будтобы 1., въ порядкѣ міроуправленія Божія, сверхъ естественное несогласно ни съ понятіемъ о высочайшихъ свойствахъ Божіихъ—Его премудрости и неизмѣняемости, ни съ понятіемъ о законахъ природы. 2., Чудесное всегда, такъ сказать прячется отъ прямаго наблюденія и совершается за глазами опыта, а это все равно, что его нѣтъ. Наконецъ 3., вѣра въ сверхъ-естественное откровеніе Божіе поставляетъ религію въ вѣчную борьбу съ наукою, потому что, признавая истины откровенія безусловными, она исключаетъ постоянное развитіе ума человѣческаго.

Но 1, сверхъ-естественное дѣйствіе Божіе въ мірѣ

нисколько не противурѣчить премудрости Божіей. Богъ премудръ и въ самомъ устройствѣ міра, конечно, совершеннѣйшимъ образомъ соразмѣривъ средства съ цѣлями и неизбѣгъ нужды, ни восполнять, ни поправлять своего произведенія. Но почему же въ планъ мірозданія Премудраго, говоря челоувѣко-образно, не могло входить такое именно его отношеніе къ міру, какое представляется въ откровеніи Божіемъ, тѣмъ болѣе, что въ мірѣ есть существа разумносвободныя, къ которымъ приличнѣе всего относиться Творцу ихъ, какъ Отцу къ дѣтямъ царю къ подданнымъ, а не какъ художнику къ своему произведенію?

Въ мірѣ главное-міръ нравственный, цѣль разумнаго въ разумномъ; а въ разумно-нравственномъ мірѣ не можетъ быть и нѣтъ той механической необходимости, которою держится строй произведеній механическихъ. Разумное существо можетъ исполнять и не исполнять волю Творца своего. Что же, если воля Творца нарушается? Такое нарушеніе не будетъ ли сопровождаться растройствомъ порядка не только въ нравственномъ, но и физическомъ мірѣ? И для возстановленія порядка, не потребуются ли такія дѣйствія провидѣнія, которыя уже по необходимости должны выходить изъ ряда обыкновенныхъ событій міра. — Первое чудо, чудо изъ чудесъ есть, очевидно, самая сотворенная свобода. Коль скоро это чудо сотворено, то никакое другое чудо уже не можетъ быть не естественнымъ, какъ-бы оно ни было сверхъ-естественнымъ.

Далѣе. Почитать сверхъ-естественное откровеніе противурѣчіемъ неизмѣняемости природы Божіей значитъ представлять Бога, какъ что-то отвлеченное, а не какъ всесовершенную личную жизнь. Измѣняемость дѣй-

ствій живаго существа свойственная только Существову всесовершеннѣйшему есть ничто иное, какъ полнота жизни, всегда себѣ равная, не исключаящая дѣйствій, а напротивъ не обходимо предполагающая вѣчную дѣятельность, только безъ всякаго нарушенія равновѣсія жизни, безъ всякаго уменьшенія и увеличенія блаженства. Мы говоримъ: «Богъ открывается во гнѣвѣ, или въ милости, въ правдѣ, въ любви» и пр., но эти откровенія выражаютъ не перемѣну Его состоянія, а различныя Его отношенія къ намъ, по различію нашихъ собственныхъ состояній. Гнѣвъ Божій не есть страстное раздраженіе, и милосердіе Божіе не есть движеніе смягченнаго сердца, это-проявленія вѣчнаго правосудія и вѣчной любви, проявленія временныя для насъ, такъ какъ мы живемъ подъ условіями времени, вѣчно-настоящія для Него, такъ какъ Онъ вѣчно-сущій.

Наконецъ, сверхъ-естественныя дѣйствія Божіи въ мірѣ не могутъ нарушить порядка естественнаго, такъ какъ законы природы не суть что-либо отличное отъ воли Божіей и какъ бы выдѣленное отъ нея разъ навсегда. Въ мірѣ все отъ Бога и все содержится Его силою и волею; а такъ какъ воля Божія, всегда согласна сама съ собою: то порядокъ и гармонія въ мірѣ всегда существуютъ и будутъ существовать.

Въ самомъ; дѣлѣ, когда совершается какое нибудь событіе, въ собственномъ смыслѣ, чудесное, т. е. не имѣющее для себя достаточной причины въ обыкновенныхъ силахъ природы: то происходитъ ли въ этомъ случаѣ что-либо противоестественное, противозаконное? Нисколько. Чудесное дѣйствіе, превышая силы природы, имѣетъ однакоже для себя основаніе въ силѣ высшей,

творческой, и потому всегда сообразно съ тѣмъ общимъ закономъ природы, что всякая высшая сила можетъ ограничивать и даже упразднить дѣйствіе силы низшей. Такъ можно бросить тяжелое тѣло вверхъ и удержать его при паденію въ низъ, поставивъ какую нибудь преграду естественному его стремленію къ землѣ. Въ этомъ случаѣ ничего противо-естественнаго не происходитъ, законъ не уничтожается. Человѣкъ чѣмъ больше совершенствуется въ знаніи, тѣмъ сильнѣе дѣлается въ природѣ, находя средства ограничивать въ ней силы силами. Такъ знаніе врача можетъ остановить то или другое дѣйствіе природы разрушительное для нашего организма. Вообще наука можетъ твердить и творить своего рода чудеса и именно на столько, на сколько она дѣлается силою, высшею частныхъ силъ природы. Почему же Творецъ природы, воля котораго есть высшій, вѣчный законъ всего сущаго, почему Онъ одинъ не можетъ творить въ природѣ ничего выше-естественнаго, непротиворѣча ея законамъ?

Скажутъ: иное дѣло пользоваться взаимодѣйствіемъ силъ самой природы, иное вводить въ нее новыя силы. Такъ вылечить больного, значить только исправить съ помощью самой природы временное разстройство въ одномъ изъ частныхъ существъ ея, не уничтожая этимъ общаго закона смертности; но воскресить мертваго, значило бы сдѣлать нѣчто наперекоръ природѣ. Въ отвѣтъ на это возраженіе, мы должны прежде всего замѣтить, что оно имѣетъ свое значеніе при неправильномъ взглядѣ на міръ, какъ на механизмъ, существующій независимо отъ Творца, съ той самой минуты, какъ вышелъ изъ рукъ Его. Но если міръ не механизмъ, если Богъ

всегда присущъ ему своею силою, мудростію, благостію: то чтоже можетъ быть внесено въ него, когда, кромѣ воли Божіей, ничего нѣтъ и не можетъ быть въ немъ въ собственномъ смыслѣ дѣйствующаго. *Отецъ мой досель дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*, говоритъ Сынъ Божій. Существованіе міра съ этой точки зрѣнія есть какъ-бы ежеминутное твореніе Его. Съ другой стороны, чудесныя дѣйствія Божіи совершаются также въ опредѣленной области міровой жизни, не простираясь на цѣлую ея систему. Если напр. промыслъ Божій чудесно производитъ дождь въ извѣстной мѣстности, а засуху въ другой: то ни теплоты, ни влаги не прибавляется ни убываетъ отъ этого на земномъ шарѣ, а только распределеніе ихъ совершается по свободной волѣ Божіей. Если мертвые воскресаютъ: то этимъ неотмѣняется законъ смертности. Если и солнце останавливается въ теченіи своемъ, то только для земли, а не для міра; и въ чемъ бы не состояло это знаменіе, оно есть только знаменіе, а не астрономическій фактъ, дѣйствіе высшей силы, но только для человѣка, слѣд. дѣйствіе въ опредѣленной сферѣ, въ какой совершаются всѣ чудеса Божіи для насъ, неизмѣняющія порядка міра въ цѣломъ.

Итакъ правильное понятіе о Богѣ и объ отношеніи Его къ міру нисколько неисключаютъ сверхъ-естественныхъ или чудесныхъ событій въ мірѣ.

На 2-е положеніе будтобы чудеснаго никогда не было на дѣлѣ, что всѣ рассказы о чудесномъ обязаны произхожденіемъ своимъ разгоряченному воображенію, неразборчивому легковѣрію и незнанію естественныхъ законовъ, О. Фаворовъ отвѣчаетъ такъ:

1., по смыслу богооткровеннаго ученія чудесное

совершается не случайно, не по произволу чудотворца, не по прихоти любопытствующих; оно входитъ въ порядокъ нравственаго міроуправленія Божія и совершается, конечно, по законамъ такимъ же постояннымъ, каковы законы физическаго міра. Въ анатомическихъ театрахъ, положимъ, не воскресалъ ни одинъ мертвый; но если медики не могутъ требовать, чтобы природа, по ихъ желанію, сама показывала въ назначенное ими время такія явленія и дѣйствія, которыя имъ желалось бы подвергнуть наблюденію, то какимъ образомъ подобное требованіе можно простиравать на волю Божию, какъ можно непремѣннымъ условіемъ вѣры въ Его чудодѣйствія по-ставлять то, чтобы они совершались не по плану міроуправленія, а по желанію извѣстныхъ людей? Не должны ли мы напротивъ, наблюдать ихъ тамъ, гдѣ они совершаются?

2, Говорятъ: всѣ рассказы о чудесномъ порождены разгоряченнымъ воображеніемъ, неразборчивымъ легковѣріемъ. Чтобы возвестъ такое положеніе на степень не опровержимой истины, нужно критически разобрать всѣ повѣствованія о чудесномъ и основательно доказать ихъ легендарный характеръ. Но этого не дѣлаютъ и не могутъ сдѣлать критики сверхъ-естественнаго. Конечно, есть много рассказовъ о чудесахъ ложныхъ; но это не только не даетъ намъ права отвергать существованія дѣйствительныхъ чудесъ, напротивъ указываетъ на нихъ, какъ на необходимое явленіе въ нашемъ мірѣ. Если бы человѣкъ никогда не видалъ дѣйствительныхъ звѣздъ на небѣ: то ему и не могли бы представляться извѣстныя метеорологическія явленія падающими звѣздами. Такъ точно, если бы человѣчество никогда не ви-

ло подлиннаго чуда: то неимѣло бы ни какихъ легендарныхъ чудесъ. По этому-то не только остроумно, но и справедливо говорятъ, что ложныя чудеса указываютъ на истинныя, какъ фальшивая монета указываетъ на истинную.

При утверженіи третьяго положенія, что сверхъестественное или не посредственное откровеніе Божіе человѣку не существуетъ, что если бы дѣйствительно оно существовало, то истины, разъ открытыя человѣку, должны были бы имѣть для него характеръ безусловныхъ истинъ, рационалисты указываютъ на то, что догматы вѣры не вдругъ явились въ такомъ опредѣленномъ видѣ и смыслѣ, въ какомъ они въ послѣдствіи времени составили церковное ученіе вѣры, а выработывались постепенно, что, съ постепеннымъ развитіемъ наукъ, многое изъ того, что прежде почиталось за неопредѣленную истину, оказывается несостоятельнымъ предъ судомъ разума и опыта, что неотступно держаться положительнаго ученія вѣры, значило бы упорно противодействовать движенію человѣчества впередъ и коснѣть въ неподвижности и застоѣ.

Но дѣйствительно ли догматы вѣры, выработывались также, какъ выработываются истины научныя, измѣняясь не по формѣ только и относительно полноты содержанія, но и въ самой сущности своей? Рационалисты въ изложеніи исторіи Христіанскаго вѣроученія точно находятъ такое развитіе догматовъ; но, прилагая къ исторіи догматовъ методу исторіи философіи, они скорѣе выходятъ изъ того убѣжденія, что та и другая исторія имѣетъ одни и тѣже законы движенія, чѣмъ путемъ предварительныхъ изслѣдованій приходятъ къ такому убѣж-

денію, потому что произвольно обращаются со многими историческими фактами. Такъ Христіанскій догматъ о божествѣ І. Христа, по мнѣнію раціоналистовъ, образовался уже послѣ того, какъ появилось Христіанство. Между тѣмъ изъ евангельской исторіи, читаемой безъ предубѣжденія и понимаемой въ простомъ настоящемъ смыслѣ, каждому можетъ быть ясно, что самъ Спаситель училъ о себѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ, или какъ о истинномъ Богѣ.

Далѣе. Какія истины чистой Христіанской вѣры опровергнуты наукой и сдѣлались въ самомъ дѣлѣ несостоятельными предъ ея критикой? Ни одинъ изъ тѣхъ пунктовъ ученія Христіанскаго, которые называются догматами, не потерпѣлъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго. Раціоналисты прежде всего не вѣрятъ въ откровеніе, а за тѣмъ уже сомнѣваются въ истинѣ его ученія, или прямо отвергаютъ тотъ или другой догматъ его: но чтобы они обличили несостоятельность самыхъ догматовъ, какъ противныхъ дѣйствительнымъ требованіямъ разума, этого мы невидѣли, не видимъ и не увидимъ.

Наконецъ, какимъ образомъ безусловная истина, какъ скоро она есть, мѣшаетъ прогрессивному развитію человѣча, тоже непонятно. Наоборотъ, возмжно ли это прогрессивное развитіе, если въ основѣ его нѣтъ безусловной истины? Если все въ области человѣческаго знанія относительно и условно, т. е. нынѣ истинно, а завтра уже неистинно: то трудно сказать, что нибудь положительное о самомъ прогрессѣ человѣческаго развитія. Намъ не почему будетъ распознавать и опредѣлять, дѣйствительно ли мы поступаемъ впередъ, или же, какъ полагаютъ нѣкоторые, совершаемъ такое же

круговращеніе, какое наша планета совершаетъ около себя самой.

Нѣтъ, прогрессивное преуспѣяніе религіознаго вѣдѣнія, возможно, въ высшей степени возможно въ Церкви Христовой, говоритъ О. Фаворовъ въ заключеніе перваго своего чтенія. Только, чтобы это было дѣйствительное преуспѣяніе, или дѣйствительный прогрессъ вѣры, а не измѣненіе. Пусть знаніе и мудрость съ каждымъ поколѣніемъ и вѣкомъ возрастаютъ, какъ можно успѣшнѣе, какъ въ каждомъ членѣ Церкви, такъ и въ цѣломъ ея составѣ; но при всѣхъ этихъ успѣхахъ существо вѣры, ея догматы, смыслъ ея ученія должны быть неизмѣнны. По какому закону развивается тѣло, по такому же должна развиваться и душа. Тѣла съ теченіемъ времени растутъ и увеличиваются въ объемѣ, но всегда одни и тѣже. Тѣмъ же законамъ должна слѣдовать и вѣра Христіанъ, т. е. съ лѣтами укрѣпляться, разширяться и возвышаться, оставаясь однакожь всегда цѣлою и ничего не теряя изъ своихъ частей.

Показавши не основательность исходнаго пункта рационалистическихъ изслѣдованій о предметахъ вѣры, О. Фаворовъ обращается къ рационалистической экзегетикѣ и критикѣ св. писанія, чтобы показать, какъ богословы рационалисты съ своей точки зрѣнія понимали и понимаютъ библейскія повѣствованія вообще и евангельскую исторію въ частности. Это составляетъ предметъ втораго чтенія.

Въ рационалистической критикѣ, рѣзко различаются два способа изъяснять историческую часть Христіанскаго откровенія. Первый состоитъ въ томъ, что, неотвер-

гая самыхъ событій даютъ имъ характеръ обыкновенныхъ естественныхъ событій, а чудесное объясняютъ изъ понятий того времени, къ которому относится рассказъ. Второй состоитъ въ прямомъ отрицаніи самыхъ событій и превращеніи ихъ въ мифы. Имя рационалистовъ собственно усвояютъ критикамъ эвзегетамъ, (толкователямъ) и держащимся первой методы, а критиковъ отъ слѣдующихъ послѣдней называютъ *миологами*.

Основателемъ первой методы былъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія іенский богословъ *Эйхгорнъ*. Онъ въ первые началъ проводить ту мысль, что чудесныя событія священной исторіи суть не что иное, какъ раскрашенныя воображеніемъ обыкновенныя событія. *Эйхгорнъ*, прилагая основное свое положеніе къ дѣлу, занимался преимущественно ветхозавѣтными событіями библейской исторіи. За то другіе скоро начали прямо и смѣло по этой методѣ изъяснять всѣ евангельскія по-вѣствованія; особенно отличался въ этомъ отношеніи докторъ *Павлосъ*, составившій полный комментарий на Евангеліе. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого объясненія. Небесный свѣтъ, напр. осіявшій пастырей Вифлеемскихъ въ ночь Рождества Христова, былъ, будтобы, ни больше ни меньше, какъ фонарь, пронесенный къ-то предъ ихъ глазами.

Когда рассказываетъ, что І. Христосъ пришелъ по морю, то это значить, что Онъ догналъ учениковъ своихъ впасть или обходя по берегу. Онъ укротилъ бурю, это значить, что Онъ взялъ въ руки свои весло и управилъ судномъ. Умноженіе хлѣбовъ объясняютъ тайнымъ предварительнымъ запасомъ пищи для народа, или раздѣленіемъ между всеми присутствовавшими того, что имѣли

при себѣ многіе изъ нихъ. Ангелы при гробѣ І. Христа, по воскресеніи Его, были будтобы не что иное, какъ бѣлыя пелены, которыя благочестивыя жены приняли за небесныя существа. Что касается самаго воскресенія І. Христа, то для объясненія этого событія предполагаютъ, что Онъ погребенъ былъ заживо, что измученный и израненный, Онъ только казался совершенно мертвымъ, а на самомъ дѣлѣ доведенъ былъ до крайняго изнеможенія и безчувствія, и потому, въ теченіе болѣе сутокъ, оправившись нѣсколько отъ изнеможенія, Онъ вышелъ изъ пещеры, въ которой былъ погребенъ и являлся ученикамъ своить какъ воскресшій. Наконецъ вознесеніе І. Христа на небо представляется какимъ то искуснымъ маневромъ Его предъ учениками: въ то время, говорятъ, какъ Онъ взшелъ съ учениками своими на Елеонскую гору, вершина горы покрыта была туманомъ и подъ его то покровомъ Онъ внезапно скрылся отъ послѣдователей своихъ перешедши на другую сторону горы и оставилъ ихъ навсегда съ тою цѣлю, чтобы они почитали Его вознесшимся съ земли на небо.

Всѣ эти и подобныя изъясненія до того странны, что походятъ скорѣе на какую-то игру въ остроуміе, чѣмъ на серьезное дѣло ученой критики. По этому другая школа экзегетовъ, принявшая методу миеическую, неимѣла почти никакого труда показать крайнюю несостоятельность экзегетики первой школы.

Другой способъ изъясненія священной исторіи перенять былъ духовною экзегетикою у экзегетики свѣтской - въ прошедшемъ столѣтіи. Въ 1820 году *Бауръ*, тюрингенскій профессоръ Богословія, издалъ еврейскую миеологию ветхаго и новаго завѣта. Подобно прежнимъ

раціоналистамъ, эзегеты—миеологи сперва упражняли свои силы и способности надъ ветхимъ завѣтомъ и не вдругъ посягнули на историческое достоинство новаго завѣта. Бауръ началъ указывать въ Евангелии на нѣкоторыя сказанія, какъ на миеы. Но разъ вступивши на новую дорогу, критики—миеологи не хотѣли возвращаться назадъ, а рѣшились пройти весь избранный путь свой. Наконецъ, въ главѣ абсолютныхъ миеологовъ сталъ докторъ *Штраусъ*, который составилъ себѣ огромную (хотя незавидную) извѣстность книгою своею *Das Leben Jesu* (жизнь Иисуса). По его мнѣнью, миеъ до такой степени закрываетъ историческую основу Евангелія, что нѣтъ возможности дойти до ней, и остается разсматривать цѣлую историю земной жизни Иисуса Христа, какъ чистый миеъ. Чтобы снять съ себя укоръ въ чистомъ невѣрїи, Штраусъ въ предисловіи къ своей книгѣ говоритъ между прочимъ слѣдующее: авторъ знаетъ, что внутренняя сущность христіанскаго вѣроученія, совершенно независима отъ его критическихъ изслѣдованій. Сверхъестественное рожденіе І. Христа, Его чудеса, Его воскресеніе и вознесеніе остаются вѣчными истинами, какимъ бы сомнѣніямъ ни подвергалась ихъ дѣйствительность, какъ событій историческихъ». По видимому, критикъ не хочетъ быть врагомъ христіанства, напротивъ имѣетъ притязаніе на высшее духовное пониманіе христіанской религіи. Но это христіанство безъ живаго Христа, на самомъ дѣлѣ есть рѣшительное отрицаніе того, что составляетъ сущность вѣры Христовой. Положительное мировоззрѣніе свое, которое кроется подъ критикою Евангельскихъ сказаній, Штраусъ самъ ясно и довольно полно излагаетъ въ концѣ своей книги.

Вотъ сущность его міровоззрѣнія. Богъ не есть та-
 кое безконечное существо, которое непреступно и пре-
 бываетъ всегда внѣ и выше конечнаго. Онъ проникаетъ
 конечное, такъ, что конечная природа, т. е. мръ и
 духъ человѣческій есть не что иное, какъ Его самовы-
 ступленіе, отъ котораго Онъ снова возвращается къ
 Своему единству. Человѣкъ неимѣетъ истины, поко-
 лику Онъ-духъ конечный; Богъ неимѣетъ реальности
 (опредѣленнаго бытія), поколику — духъ безконечный
 и замыкающійся въ своей безконечности. Истинное и
 дѣйствительное бытіе духа не есть ни Богъ въ себѣ,
 ни человѣкъ въ себѣ: оно есть Богочеловѣкъ. Этотъ
 Богочеловѣкъ, заключая въ одномъ существѣ сущность
 безсмертную, а личность человѣческую, подлинно От-
 цемъ своимъ имѣетъ Духа Божія, а матерію человѣ-
 чество. Какъ человѣкъ отъ божественнаго существа, онъ
 безгрѣшенъ и совершенъ, господствуетъ надъ природою;
 творитъ чудеса; но по человѣчеству своему зависитъ
 отъ природы, подверженъ страданіямъ и смерти. Въ
 неизбежной борьбѣ съ людьми, которые не возвышаютъ
 надъ конечною природою, онъ долженъ претерпѣть
 насильственную смерть, но у него есть средство выйти
 изъ этой бездны и воспріять путь къ себѣ самому.
 Такъ какъ смерть Богочеловѣка есть только прекраще-
 ніе самовыступленія безконечнаго Духа, то она на са-
 момъ дѣлѣ есть возвращеніе къ Богу. По этому за-
 смертію Богочеловѣка необходимо должно послѣдовать
 Его воскресеніе и вознесеніе на небо. Не трудно по-
 нять, что этотъ Христосъ атеистическій не есть еще Хри-
 стосъ историческій, тотъ, который носилъ имя Иова Хри-
 ста. Это — духъ человѣческій.

Такое чисто пантеистическое мирозерцание было, конечно, не плодом критического анализа Евангельской истории, а напротив основным руководительным началом самой критики. Штраусова жизнь Иисуса написана именно съ цѣлю оправдать извѣстный взгляд на христіанство, составленный на priori. Задача, которую предположилъ выполнить въ ней авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы отстранить факты, которые мѣшали идеальному пониманію христіанства.

Прежній рационализмъ былъ направленія теистическаго, т. е. держался идей естественной религіи, не отвергая бытія личнаго Бога, свободы нравственной, безсмертія, и какъ ни искажалъ Библію, все же думалъ твердо держаться ея; послѣдній—направленія чисто пантеистическаго, т. е. не признаетъ ни личнаго Бога, ни дѣйствительности нравственной свободы, ни личнаго безсмертія, сливаетъ Бога съ міромъ и обоготворяетъ духъ человѣческій. По этому выводы перваго были слишкомъ неудовлетворительны для послѣдняго. Ему казалось, что тѣ остановились на полудорогѣ и онъ рѣшился сбить ихъ съ такого пункта, чтобы самому безъ помѣхи идти дальше сообразно съ предназначеною себѣ цѣлю. Павлюсъ старался доказать, что въ Евангельской исторіи содержатся обыкновенныя прісшества, только раскрашенныя воображеніемъ и облеченныя въ форму легендъ; Штраусъ сталъ утверждать, что цѣлая исторія эта есть созданіе почти одного воображенія, или сочиненіе на извѣстную тему, составленное подъ влияніемъ извѣстныхъ идей.

Чтобы познакомить слушателей съ нѣкоторыми частными возраженіями Штрауса противъ подлинности

Евангельскихъ событій и показать рѣшительную несправедливость и несообразность цѣлаго взгляда его на происхожденіе христіанства, О. Пр. Фаворовъ въ слѣдующемъ третьемъ чтеніи разбираетъ для образца критику его на Евангельскія сказанія о безсѣмennomъ зачатіи І. Христа и о рожденіи Его въ Вифлеемѣ и противопоставляетъ его взгляду свои замѣчанія. Позволяемъ себѣ одну изъ критикъ выписать вполне именно: о безсѣмennomъ зачатіи І. Христа.

Духъ Святой пойдетъ ты и сила Вышняго осѣнитъ ты: тѣмже и рождается свято наречется Сынъ Божій: такъ, по сказанію Св. Евангелиста Луки, благовѣствовалъ Архангелъ Пречистой Дѣвѣ Маріи о зачатіи и рожденіи Ею Христа Богочеловѣка. По этому Церковь всегда вѣровала и вѣруетъ, что воплощеніе Сына Божія совершилось по дѣйствию Духа Божія, безъ участія мужескаго, что І. Христось хотя родился истиннымъ Богочеловѣкомъ, но человѣческое естество Его образовано было во утробѣ Пресвятой Маріи не по обыкновеннымъ законамъ человѣческаго рожденія, а по благодатному наитію Духа Святаго, и что такимъ образомъ Пречистая Дѣва осталась Дѣвою и послѣ того, какъ сдѣлалась матерію.—Критикъ находитъ въ этомъ мнимыя несообразности, которыя онъ дѣлитъ на физико-теологическія и экзегетико-историческія.

Физико-теологическія несообразности, по его мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) безсѣмнное зачатіе и образованіе человѣка—дѣло не виданное и не слышанное въ мірѣ человѣческомъ; поэтому и безсѣмнное

зачатіе І. Христа не принадлежитъ къ міру дѣйствительности; 2) если такое событіе думаютъ объяснить тѣмъ, что для Бога нѣтъ ничего не возможнаго; то забываютъ, что всемогущество Божіе не должно быть въ противорѣчій съ премудростію Божіею, т. е. никогда не должно дѣйствовать безъ достаточныхъ причинъ; а здѣсь оно являлось бы дѣйствующимъ именно вопреки премудрости, потому что для безгрѣшнаго рожденія Спасителя (въ чемъ полагаютъ причину Его безсѣннаго зачатія) достаточно было бы также предпочесть Іосифа, мужа Маріи, какъ предпочтена была Сама Марія, и такимъ образомъ не было ни какой нужды нарушать законъ природы.

Послѣднее возраженіе критикъ представляетъ такъ сказать, не отъ себя самаго, а отъ самой вѣры христіанъ, которой онъ нераздѣляетъ. Онъ только на время становится на точку зрѣнія вѣрующихъ, для того, чтобы, какъ думаетъ онъ, поразить ихъ собственнымъ же ихъ оружіемъ. Для него самаго вся сила возраженія состоитъ очевидно въ мнимомъ противорѣчій Евангельскаго событія закономъ природы. Онъ могъ бы короче и проще выразиться такъ: безсѣнное зачатіе—чудо; по этому оно—миѣ. Дальнѣйшее есть только обстановка главной его мысли. Но такъ какъ этою обстановкою онъ хочетъ оградить свое невѣріе въ сверхестественное явленіе: то мы должны показать ложь его разсужденія о мнимомъ противорѣчій между дѣйствіями всемогущества и премудрости Божіей въ безсѣнномъ зачатіи Искупителя міра.

Въ цѣлой системѣ христіанскаго вѣроученія догматъ о безсѣнномъ зачатіи Искупителя имѣетъ слѣ-

дующій смыслъ: Искупитель рода человѣческаго является въ міръ какъ *новый Адамъ*, новый *родоначальникъ* человѣчества для того, чтобы стать въ главѣ обновляемаго имъ человѣческаго рода. Онъ, Сынъ Божій, принимаетъ естество человѣческое, но естество же чистое, безгрѣшное, такое же, какое оно было въ лицѣ перво-созданныхъ людей до ихъ паденія. Для этого, новый Адамъ также *непосредственно* образуется *Самымъ Богомъ*, какъ и древній Адамъ, только не изъ персти, а изъ готовой природы человѣческой. Духъ Святой осѣняетъ предъизбранную и предъочищенную Дѣву и въ Ея утробѣ изъ ея пречистыхъ кровей образуетъ человѣческое естество Сына Божія. Тутъ небыло, такъ сказать, мѣста отцовскому дѣйствию человѣка. Второй Адамъ, подобно первому Адаму, не могъ быть сыномъ отца человѣка, потому что онъ не продолжаетъ, а начинаетъ собою рядъ новаго поколѣнія людей, получающихъ отъ Него и чрезъ Него благодатныя силы и дарованія. Вотъ въ немногихъ словахъ ученіе Слова Божія и Церкви Христовой о безсѣмennomъ зачатіи І. Христа Искупителя міра! Какая же въ немъ несообразность? Напротивъ, ничего не можетъ быть сообразнѣе съ премудрестію и всемогуществомъ Божиимъ, какъ явленіе въ міръ Искупителя человѣческаго рода въ человѣческомъ естествѣ, образованномъ не силою природы изъ сѣмени того или другаго человѣка, а не посредственнымъ дѣвствомъ Самаго Бога изъ существа человѣческаго вообще, подобно тому какъ и въ началѣ человѣкъ образованъ былъ не по законамъ, уже существовавшимъ въ природѣ, а какъ новое твореніе, получивши свой законъ, вмѣстѣ съ бытіемъ своимъ.

Нѣтъ, въ порядкѣ домостроительства Божія, какъ открываетъ его намъ Слово Божіе, все въ высочайшей степени согласно и стройно, не только по отношенію къ главнымъ частямъ его, но и въ самыхъ его подробностяхъ. Одно невѣріе въ живаго Бога не хочетъ видѣть этого, потому что неможетъ допустить непосредственнаго дѣйствія Божія въ мірѣ. Такъ какъ для него существуетъ только природа съ ея силами и законами; то всякое явленіе и дѣйствіе, превышающее эти силы и законы, ему кажется не возможнымъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ критикъ-пантеистъ напрасно прибѣгаетъ къ теологическому доказательству противъ сверхъестественнаго дѣйствія Божія; онъ не признаетъ факта, очевидно по той только причинѣ, что его нельзя объяснить изъ естественныхъ силъ и законовъ. На этомъ возраженіи мы неимѣемъ и нужды останавливаться, потому что оно неможетъ имѣть никакого значенія тамъ, гдѣ есть вѣра въ живаго Бога, Творца и Промыслителя міра.

Екзегетико-историческое возраженіе противъ евангельскаго сказанія о безсѣменномъ зачатіи І. Христа возникаетъ изъ слѣдующихъ соображеній критика: кроме Евангелистовъ Матѳея и Луки никто изъ свящ. писателей Н. З. не говоритъ о такомъ зачатіи Спасителя; сами Евангелисты Матѳей и Лука, разъ сказавши объ этомъ сверхъестественномъ событіи, потомъ какъ бы забываютъ о томъ, что сказали; многіе изъ современниковъ І. Христа, недоумѣвая, откуда въ Немъ такая мудрость и сила, или стараясь подорвать уваженіе къ Нему въ народѣ указывали на происхожденіе Его отъ бѣдныхъ родителей, и Онъ никогда не отрицалъ справедливости

такого указанія и необличаль порицателей своихъ въ незнаніи дѣла; ближайшіе ученики Его также, вмѣстѣ съ другими, признавали Его сыномъ Іосифа, наконецъ сама Матерь Его не такъ бы должна была относиться къ Сыну своему, какъ относилась къ Нему, еслибы она сознавала необыкновенное, сверхъестественное Его происхождение.

Но всѣ эти соображенія уничтожаются другими самыми простыми соображеніями. Евангелистъ Маркъ и Іоаннъ не говорятъ о томъ, что передаютъ намъ другіе Евангелисты относительно зачатія и рожденія І. Христа по той причинѣ, что Св. Маркъ начинаетъ свое Евангеліе прямо съ торжественнаго служенія І. Христа, не касаясь вовсе первыхъ дней Его земной жизни, а Св. Іоаннъ, имѣвшій уже предъ глазами первыя три Евангелія, не хотѣлъ повторять того, что въ нихъ записано; а имѣлъ въ виду восполнить Евангельскую исторію и, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, изобразить съ нарочитою ясностію божественное достоинство І. Христа; по этому въ началѣ своего Евангелія, вмѣсто сказанія о происхожденіи Спасителя по плоти, изобразилъ вѣчное происхождение Его, какъ Сына Божія, отъ Бога отца. Дальше: сами Евангелисты никогда не называютъ І. Христа сыномъ Іосифа; напротивъ, когда Евангелистъ Лука, начиная родословіе Его по плоти, говоритъ объ Его отношеніи къ Іосифу, то выражается такъ: *сынъ, яко мнимо* (т. е. по общему народному мнѣнію, а не на самомъ дѣлѣ) сынъ Іосифовъ и проч. Почему І. Христосъ не возражалъ противъ тѣхъ, которые хотѣли уничтожить Его мнимо низкимъ Его происхожденіемъ отъ бѣднаго ремесленника, это, кажется, понять не

трудно. Внѣшнія свидѣтельства вообще мало имѣли значенія для вѣры въ Него какъ Христа Спасителя—Господь свидѣтельствовался Своею мудростію, и благостію и могуществомъ, открывавшихся въ ученіи и дѣлахъ Его, и эти свидѣтельства одни были достойны Его величія и способны къ образованію живой вѣры въ Него. Знали-ли самые близкіе послѣдователи Господа во время земной жизни Его тайну безсѣменнаго Его рожденія, объ этомъ, конечно, мы не можемъ сказать ничего положительнаго. Изъ одного примѣра приводимаго критикомъ (Нафанаилъ говоритъ Филиппу: *обрѣтохомъ Мессію, Іисуса сына Іосифа*) никакъ еще не слѣдуетъ, будтобы всѣмъ апостоламъ и во все время пребыванія ихъ при небесномъ Учителѣ своемъ ничего неизвѣстно было о необыкновенномъ зачатіи и рожденіи Его: но если бы тайна верхъестественнаго событія сего и сокрыта была отъ нихъ до времени, то этимъ нисколько не отрицается дѣйствительность самаго событія. Чтоже касается того, будтобы Матерь Господа относилась къ Нему, какъ къ обыкновенному сыну Своему, то это совершенно произвольное и ложное утвержденіе. Критикъ указываетъ на случай, когда Она вмѣстѣ съ другими родственниками І. Христа старалась вызвать Его изъ среды народа, полагая, какъ кажется, что Онъ проповѣдію Своею подвергаетъ себя опасности (Матѣ. 12, 46—47). Но какія мысли и чувства наполняли тогда душу Матери Господа, Евангельская исторія не открываетъ намъ; а потому случай этотъ ничего не говоритъ противъ вѣры Пресв. Маріи въ божественность Сына Своего. Да если бы Она и дѣйствительно опасалась за Сына Своего въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, то и въ этомъ не было

бы еще ничего страннаго и не согласнаго съ Ея сознаниемъ о сверхъестественномъ Его происхожденіи: материнская любовь, конечно, могла располагать Ее къ добрымъ чувствамъ, при всей вѣрѣ Ея въ неземное величіе и достоинство Сына своего, потому что сердце Ея было человѣческое. Могла ли она, напр. не скорбѣть сильнѣйшею скорбію матери, когда видѣла крестныя страданія І. Христа? А такая скорбь развѣ несомѣстима съ вѣрою въ божественное достоинство Распятаго? Точно также и въ другихъ случаяхъ чистыя человѣческія чувства Матери І. Христа, какого бы рода они ни были, нисколько не противны были ясному сознанию Ея о сверхъестественномъ рожденіи Сына Ея. Впрочемъ частному случаю, указываемому критикомъ, можно противопоставить другой частный случай изъ Евангельской исторіи, который ясно показываетъ вѣру Пречистой Матери Спасителя въ Его не земное достоинство и могущество; это обращеніе Ея къ Сыну свосму на бракъ въ Канѣ Галилейскомъ, въ самомъ началѣ торжественнаго служенія Господа. *Вина не имутъ* сказала Она Ему, во время брачнаго празднованія, и потомъ, не смотря на отвѣтъ Его по видимому неблагоприятный для Ея замѣчанія, заключавшаго въ себѣ, очевидно, просьбу помощи бѣднымъ домохозяйкамъ, приказала слугамъ исполнить то, что Онъ потребуетъ: такое распоряженіе объясняется только глубокимъ убѣжденіемъ Матери въ божественномъ могуществѣ и благодати Сына своего. Но что всего важнѣе: все вообще поведеніе Пресв. Маріи, въ продолженіи торжественнаго служенія Ея, не опровержимо доказываетъ, что Она первая вѣровала въ Него, какъ во Христа Сына Божія, потому

что, какъ ни мало говорится о Ней въ Евангельской исторіи, по всему однако видно, что Она съ благовѣніемъ и преданностію смотрѣла на всѣ дѣйствія Сына Своего, нигдѣ не являясь предъ Нимъ съ какими нибудь предостереженіями, требованіями совѣтами, основывающимися на обыкновенныхъ расчетахъ человѣческаго благоразумія. Не вѣтимъ ли, между прочимъ, объясняется ли то, что Св. Евангелисты такъ рѣдко и мало говорятъ о Ней?

Итакъ ни физико-теологическія, ни историко-евзегетическія возраженія критика противъ Евангельскаго сказанія о сверхъестественномъ зачатіи и рожденіи Г. Христа не имѣютъ рѣшительно никакой силы.

Замѣчанія, которыя О. Фазоровъ противопоставляетъ цѣлому взгляду Штрауса на образованіе Евангельской исторіи слѣдующія:

1. Христіанство явилось на глазахъ исторіи. По этому происхожденію его нельзя говорить такъ, какъ о происхожденіи какой нибудь индійской и древне-греческой религіи. Такія эпохи, какъ эпоха земной жизни Г. Христа, если не исключаютъ совершенно направленія и духа миѣческаго, то рѣшительно не позволяютъ образоваться у себя цѣлой новой миѣологии. Древній римскій міръ вѣка Августа слишкомъ далекъ былъ отъ той поры младенчества народнаго, когда создаются народами миѣы; онъ былъ въ порѣ мужества и проникнутъ духомъ историческимъ. Какъ же могло случиться, что на глазахъ этого міра рядомъ съ дѣйствительною исторіею образовалась исторія миѣческая, при томъ такого рода, что воображаемыя событія ея почитотчасъ же легли въ основаніе дѣйствительныхъ мировыхъ событій?

Говорятъ, что въ эту самую эпоху создавались же различныя легенды и басни, напр. басни Талмуда. Но величайшее различіе между Евангельскою исторіею и какими нибудь талмудическими преданіями. Послѣдніе крылись отъ глазъ свѣта, а Евангельская исторія провозглашалась на весь міръ, проповѣдывалась, какъ истина, которая должна преобразовать всю жизнь человѣчества и это преобразование дѣйствительно началось вмѣстѣ съ проповѣдію христіанскою и, не смотря ни на какія препятствія, могущественно возрастало изъ вѣба въ вѣкъ, продолжая возрастать и донинѣ.

2. Евангельская исторія не есть только исторія жизни І. Христа; она содержитъ въ себѣ полное, хотя не по буквѣ, но по духу и смыслу ученіе христіанское. Ученіе это совершенная система вѣры. Конечно раскрытіе, опредѣленіе, разъясненіе его дѣлалось отъ постепенно начала и сущность его всегда были одни и тѣже; иначе нельзя понять, какъ въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ, Церкви, раздѣленные между собою огромными пространствами, оказались единовѣрующими. Но сдѣлайте же, чтобы не большое общество иудеевъ простыхъ и почти неграмотныхъ измыслило совершеннѣйшую нравственность, какова христіанская и совершеннѣйшую догматику или вѣроученіе христіанское, чтобы эти люди выдумали, напр. нагорную проповѣдь, высочайшее ученіе о Словѣ о Троицности Бога, о воплощеніи, искупленіи, короче все домостроительство христіанское, которое въ свей полнотѣ равняется только безконечной премудрости. Нѣтъ, такой вымыслъ не мыслимъ.

3. Вселенская Церковь ясно помнитъ о своемъ происхожденіи. Въ жизни народовъ есть времена доисто

рическія; но въ жизни Церкви христіанской нѣтъ такого періода. Исторія ея съ самыхъ первыхъ временъ начала писаться между прочимъ, кровію съ исповѣдниковъ и мучениковъ. Въ первое гоненіе на нее со стороны древняго міра, пострадали нѣкоторые апостолы, самовидцы Слова, т. е. І. Христа. Это безъ сомнѣнія не мифъ. А если такъ, то историческое преданіе Церкви начинается съ самаго появленія ея на земли. Слѣдовательно, обходить преданіе Церковное и поминать его строить предположенія о началѣ христіанства, значить недоказывать мифологическій характеръ Евангелій, а создавать изъ Евангелія мифологию, или дѣйствительную исторію насильственно превращать въ мифъ.

Таковъ именно и есть недостатокъ въ методѣ Штрауса и его послѣдователей. По этой методѣ можно подвергать сомнѣнію самые достовѣрные факты и превратить въ мифы, если вездѣ пользоваться такими приемами критики, какіе употребляютъ экзегеты-мифологи. Какъ Штраусъ поступилъ съ Евангельскою исторіею: такъ Бауръ и многія изъ молодыхъ его учениковъ поступили съ исторіею дѣяній апостольскихъ и со всею христіанскою ли тературою первыхъ двухъ вѣковъ; они образовали цѣлое своеобразное возрѣніе на первенствующую Церковь, разрушающее почти все положительное ученіе Церкви. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого направленія можетъ быть и есть: или полный скептицизмъ, или усиліе частныхъ лицъ, составить себѣ свое особенное міросозерцаніе и замѣнить имъ христіанскую вѣру. То и другое рѣзко высказывается въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Не смотря на искреннія благородныя усилія сколько глубоко ученыхъ, столько же искренно религіо-

зныхъ защитниковъ вѣры христовой, скептицизмъ больше и больше охватываетъ міръ протестантскій, а откуда разливается и въ другія христіанскія страны. Но подь ногами самихъ противниковъ вѣры Христовой почва не тверда; говорить О. Ѳаворовъ они стоятъ на почвѣ рационализма и должны сражаться противъ признаемаго ими самими начала и опровергать только въ слѣдствіяхъ, естественно развивающихся изъ этого начала.

Что же положительнаго для религиозныхъ убѣжденій человѣка, даетъ отрицательное начало рационалистической критики Богооткровенія?—Разсмотрѣніе этого вопроса составляетъ предметъ четвертаго чренія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слѣдствія ложной образованности.

Въ наше время возникалъ уже вопросъ: «могутъ ли государства, стоящія нынѣ на высшей степени цивилизаціи, обратиться въ состояніе необразованныхъ, полудикихъ народовъ?» Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Отъ временъ глубокой древности мы видимъ изъ преданій и остатковъ развалинь, что древнѣйшіе народы обладали искусствами и механическими познаніями въ такой степени, что произведенія ихъ заставляютъ насъ удивляться и теряться въ догадкахъ, какія средства употреблены были въ ихъ исполинскихъ трудахъ. Однакоже эти народы, окончивъ, такъ и сказать, путь своей матеріальной образованности, обратились въ невѣжество, не передавъ потомству ни даже памяти прежде бывшихъ познаній. Отъ чего это?—Отъ того, что непо-

голубиность политическихъ организмовъ,—какъ состоящихъ изъ существъ разумныхъ,—утверждается на высшихъ, нравственныхъ законахъ; отъ—того что въ древнихъ народахъ языческаго міра, при всѣхъ познанияхъ матеріальной природы, необходимыхъ для удовлетворенія нашей земной жизни, духовная сторона человѣка коснѣла въ невѣжествѣ; потому что какъ вещественному міру положены предѣлы и въ пространствѣ и во времени; такъ и развитіе матеріальнаго образованія необходимо имѣть свой предѣлъ. Духъ же человѣка, какъ существо не вещественное, разумное, безсмертное, не ограниченное вещественными предѣлами, не можетъ остановиться, оставаясь въ бездѣйствіи, косности (inertie); онъ долженъ, по закону своей природы, или идти впередъ или—назадъ или возвышаться въ міръ духовный, въ безпредѣльную область свѣта и жизни;—или унижаться погружаясь въ бездны мрака и смерти(*) Таковъ непреложный законъ Создателя, воззывающій твореніе свое къ усовершенію, къ утонченію, къ единенію съ нимъ,—къ цѣли духовной, не ограниченной предѣлами вещественнаго міра(**) и потому, гдѣ матеріальная жизнь служитъ только средствомъ къ развитію и достиженію жизни духовной, какъ цѣли бытія; тамъ не можетъ быть обратнаго хода, ведущаго къ уничтоженію, къ духовной, умственной дѣятельности, образованности. Но гдѣ напротивъ, истинная цѣль жизни забывается и духъ человѣческій похарається вещественности, а жизнь матеріальная становится единственною цѣлью всѣхъ умственныхъ напряженій, всѣхъ стремленій духа, тамъ самая уже

(*) Посл. къ Римл. Гл. VІІІ ст. 6.

(**) Посл. къ Римл. Гл. XI ст. 35.

ограниченность вещественной природы, налагает оковы на парение духа, стѣсняетъ его, заключая въ тѣсныя предѣлы вещества. Тогда человѣкъ постепенно нисходитъ ниже и ниже и такимъ образомъ слѣдуя по пути противоположному его назначенію, болѣе и болѣе ограничивается природою своего вещественнаго организма, который теряя духовность, обращается въ состояніе близкое къ бесловеснымъ животнымъ.

Это направленіе человѣка можно сравнить съ такимъ положеніемъ, еслибы человѣкъ пожелалъ ограничиваться въ освѣщеніи своего жилища однимъ лишь свѣтомъ огня, недопуская себя никогда видѣть солнечнаго свѣта;— ослабленіе зрѣнія и совершенная слѣпота будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ такого лишенія.

Исторія изображаетъ намъ подобное состояніе человечества въ древнемъ языческомъ мірѣ, который не смотря на высокую степень внѣшней образованности, дошелъ до невообразимаго нравственнаго униженія.

Но когда свѣтъ Божественнаго Откровенія озарилъ человечество, указавъ ему безпредѣльный путь къ усовершенію духа, къ возвышенію его къ образу совершенствъ Творческихъ (что и составляетъ истинное значеніе слова: образованіе); тогда духовное начало освобожденное отъ угнѣтавшаго его матеріализма, возстановило умственные силы человѣческаго духа, обративъ ихъ къ безграничной области познаній-міра духовнаго.

Отсюда непосредственно выводится: что если для изведенія человечества изъ мрака невѣжества и злѣчества необходимо было откровеніе Божественнаго свѣта, откровеніе истинъ недоступныхъ собственнымъ силамъ человѣческаго разума, истинъ служащихъ основаніемъ

развитія его духовныхъ способностей, истинъ необходимыхъ для основанія благоустроенныхъ политическихъ обществъ и ихъ благостоянія; то на оборотъ, потерявъ познаніе сихъ истинъ и утративъ свѣтъ Божественнаго Откровенія, политическія общества, предоставленныя силамъ собственнаго ихъ разума, на какой бы ни были по видимому блестящей степени матеріальной образованности, могутъ наконецъ, потерявъ эту внѣшнюю, мнимую образованность и поправъ все что свято и необходимо во взаимныхъ отношеніяхъ людей, обратиться въ совершенное невѣжество.

Въ самомъ дѣлѣ, какой образованности и истиннаго просвѣщенія можно ожидать тамъ, гдѣ чистота сердца, непорочность, честность, непоколебимость взаимныхъ условій, считаются за ничто; гдѣ матеріальныя, временныя выгоды преобладаютъ надъ всѣмъ? Кстати приведемъ здѣсь достойныя безсмертія слова Преосвященнаго Филарета Митрополита Московскаго: *«Участь государства, говоритъ онъ, —опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, положеннымъ въ основаніе ихъ бытія, который по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ, —или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судь; приводимый потомъ въ исполненіе, подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ Провиднія.»* (Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ 1812 г.).

Для запада же какъ авторитетъ, въ отношеніи основаній государственной организаціи, можемъ привести изрѣченіе Наполеона 1-го въ разговорѣ его съ Виландомъ: *«Философы ломаютъ себѣ голову чтобы изобрѣсти новыя системы; напрасно будутъ они искать иной кромѣ Христіанства,*

«которымъ человѣкъ примиряется самъ съ собою и которое обезпечиваетъ порядокъ и миръ обществъ, счастье и надежду каждаго человѣка.» (Memoires sur les dernieres campagnes de l'Emper. Napoleon I, par Muffling, Muller, Wolfzogen.)

Къ великому прискорбію человѣчества изъ сознанія глубокомысленныхъ ученыхъ одного изъ западныхъ государствъ, почитаемаго центромъ образованности, видимъ что они сами признаютъ нынѣшнее у нихъ образование за языческое, а не христіанское и потому видимъ и пагубныя слѣдствія такого образованія: не уваженіе верховной власти, которая по видимому, и создается и уничтожается не предопредѣленіемъ Провидѣнія, но часто произволомъ притѣснителей народа; не соблюденіе прочности государственныхъ договоровъ; отрицаніе всякой идеи между-народнаго права, во время мира и войны; — немилосердіе къ плѣннымъ, наконецъ самая ненарушимость брачнаго союза, служившая даже у полудикихъ племенъ первымъ условіемъ къ составленію гражданскихъ обществъ, — самая не нарушимость этого союза, отвергается уже въ этомъ цивилизованномъ народѣ. Не есть ли это прямой путь къ разрушенію всякой политической организаци, слѣдовательно путь къ разрушенію всякаго порядка, необходимаго въ жизни человѣческихъ обществъ? а гдѣ основаніе разрушается, тамъ и все зданіе долго устоять не можетъ.

Если бы это было иначе, то отчегожь мы видимъ у народовъ преуспѣвающихъ во всѣхъ познаніяхъ и искусствахъ здѣшняго міра и потому почитаемыхъ образованнѣйшими, но отпадшихъ отъ единства образуемаго въ этомъ временномъ и будущемъ вѣчномъ мі-

и рахъ Христіанскою Церковью, и потому потерявшихъ основание *истиннаго просвѣщенія* въ полномъ значеніи этого слова, отчего, говорю, видимъ у нихъ это смятеніе умовъ доходящее до нелѣпыхъ заблужденій? эту вражду противъ вѣчныхъ истинъ составляющихъ блаженство и въ здѣшней жизни? видимъ это томленіе духа, выражающееся въ непрерывныхъ волненіяхъ народныхъ, въ потрясеніяхъ ниспровергающихъ тотъ законный порядокъ, это общественное спокойствіе и безопасность, которые должны быть непосредственнымъ результатомъ *истиннаго просвѣщенія* и вообще, видимъ ихъ въ такомъ умственномъ и нравственномъ направленіи, которое угрожаетъ въ будущемъ, неминуемою гибелью ихъ мнимаго просвѣщенія?

«Ибо никто не можетъ положить другаго основанія,—кромѣ положеннаго, которое есть— Иисусъ «Христосъ» (Посл. къ Коринѣ. Гл. III ст. II).

Г. Р.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ПЯТОМЪ ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ СВ. ПОСТА

(НА ПАССИЮ).

Отче Мой! аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія. (Матѣ. 26, 39).

Никогда еще любовь Божія къ людямъ не выражалась въ такой всеобъемлющей полнотѣ, въ какой она открывается въ страданіяхъ и крестной смерти Господа. Все муги, какія только требовалсь Божественною правдою перенести для оправданія преступнаго челоуѣчества,

были испытаны Божественнымъ умиротворителемъ. Спаситель страдалъ какъ человѣкъ, и страдалъ душою и тѣломъ. Тяжесть мукъ души Его была такъ велика, что Самъ добровольно принявшій ихъ на Себя—изнемогалъ: «Отче Мой» взывалъ Спаситель къ Отцу Своему Небесному, «аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія.» (Матѳ. 26. 29). Праведный Боже! сколько выражено въ Твоемъ моленіи душевной скорби и страданія! Бываютъ въ жизни человѣка минуты тоски и мученія, когда душа, подавленная несчастіемъ, не имѣетъ силъ остановиться ни на одной отрадной мысли. Такія ужасныя минуты невыразимы на человѣческомъ языкѣ, но онѣ бываютъ, ихъ испытываютъ, отъ нихъ страдаютъ. Несравненно больше страдалъ Спаситель за грѣхи человечества, молясь въ саду Геесиманскомъ «Прискорбна есть душа моя даже до смерти,» взывалъ Онъ. Но мы видимъ, что это была одна только сторона Его страданій, сторона душевная; скоро за страданіями души послѣдовали и страданія тѣла.

Не будемъ останавливаться на незаконномъ сборищѣ книжниковъ и фарисеевъ давно произнесшихъ смертный приговоръ Господу; и только невинно кроткій видъ Спасителя, съ какимъ Онъ является предъ судомъ Каиафы и Пилата привлекаютъ туда нашу мысль и наше чувство, все прочее заставляетъ насъ съ ужасомъ отклонить свой взоръ оттуда, гдѣ дѣйствовали одни страсти коварства, зависти, злобы, гдѣ было подготовлено все къ осужденію невиннаго: придумали клеветы, возбуждена ярость черни, запуганъ лукавыми обвиненіями самъ малодушный судія Пилатъ. Все совершилось;—Спаситель на крестѣ! Злоба враговъ Его восторжествовала. Насмѣшки, ругательства,

жестокости въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, — вотъ что было у подножя Креста; что же совершалось тамъ, на самомъ Крестѣ? Но пусть умолкнетъ слово, которое пыталось бы представить всю тяжесть Твоихъ страданій, Господи! Нельзя изобразить словомъ тѣхъ ужасныхъ мукъ-тѣла отъ язвъ, и души-отъ дерзости враговъ, когда Спаситель взывалъ къ Отцу своему Небесному: «Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя оставилъ еси!» (Матѣ. 27, 46).

На землѣ не нашлось другаго мѣста кромѣ Креста, Тому, — Кто пришелъ спасти землю и Онъ оставилъ ее послѣ страшной пытки-крестной казни: «Иисусъ же возопивъ гласомъ велимъ испусти духъ,» (Лук., 23, 41) возвѣщая всему міру объ этомъ величайшемъ событіи. Солнце затмилось, содроглась земля, раздралась завѣса храма Иерусалимскаго, и многіе мертвые святые воскресли изъ гробовъ. При видѣ такихъ чудесъ, затрепетали, несомнѣнно, сами враги Господа и исполнители казни признали Распятаго Сыномъ Божиимъ. И какъ было не трепетать беззаконію, когда самая природа возвѣщала о страшномъ, неслыханномъ злодѣяніи! Но беззаконное дѣло было уже рѣшено и исполнено. Праведникъ поруганъ, осужденъ и преданъ поносѣйшей казни.

Въ такомъ видѣ представляется намъ Спаситель висящій на Крестѣ, предъ которымъ и мы, слушатели! стоимъ въ духовномъ созерцаціи. Но недостаточно одного нѣмага созерцація; нужно нѣчто болѣе. Спаситель нашъ, подобно другимъ отходящимъ изъ сей жизни, оставилъ намъ, слушатели, свое Божественное завѣщаніе. Это Его святое слово, которымъ всегда здѣсь оглашается слухъ нашъ. Та всеобъемлющая полнота любви, тотъ

величайшій подвигъ, который совершилъ за насъ и для насъ Спаситель, тѣ блага, которыя мы принимаемъ отъ Бога, за имя престоликъ заслугъ Единороднаго Сына Божія,—убѣждаютъ насъ охотно исполнить предсмертную волю нашего Искупителя. Если послѣ смерти нашего роднаго или друга, мы, по чувству расположенности и любви къ нему, священною своею обязанностию считаемъ исполнить предсмертную его волю, то неужели недостатеть у насъ сердца для Того, Кто душу Свою положилъ за насъ? Неужели, напротивъ, достанеть у насъ жестокосердія при видѣ животворящаго Креста и Распятаго на немъ—не внять его Божественному слову, не исполнить Его святѣйшей воли? не ужели здѣсь, въ храмѣ, при чтеніи Евангелія о нашемъ спасеніи, чрезъ страданія Христа, мы слѣдили за нимъ однимъ лишь холоднымъ умомъ безъ живѣйшаго участія всѣхъ силъ нашего духа? Но позволить ли намъ совѣсть съ такимъ равнодушіемъ взирать на язвы Бога нашего, которыя Онъ подъялъ за насъ, за грѣхи наши?.....

Мы готовы, Боже нашъ! по мѣрѣ нашихъ силъ готовы исполнять велѣнія Твоего Божественнаго Слова, намъ завѣщаннаго,—«помози рабамъ Твоимъ, ихъ же испуилъ еси честною Твоею кровію.» Аминь.

Діаконъ К. Радзівскій.

СОДЕРЖАНІЕ: I. 24-е письмо Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. II. Разсужденіе Константинопольскаго собора о трехъ Румунскихъ законопредположеніяхъ. III. Сокращенное изложеніе публичныхъ лекцій Прот. Фаворова. IV. Слѣдствіе ложнаго образованія. V. Поученіе на пассію.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.

Печатать дозволяется. Марага 1866 г. Цензоръ Пр. Кагановъ.

ПОЛТАВА, Типографія Губ. Правленія